

ЧЕЛОВЕК В ТРУДЕ. СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Предпринимается попытка исследования современного положения человека в труде в социальном и антропологическом аспектах. Показано, что положение человека в труде претерпевает фундаментальные изменения, связанные с переходом социокультурной реальности в состояние постмодерна. В процессе исследования формулируется ряд значимых выводов и обобщений.

Ключевые слова: человек; труд; социокультурная ситуация; постмодерн; смерть труда.

В классическом марксизме выдвигалось положение о том, что естественная эволюция общества приведет к отмиранию механизмов эксплуатации, одним из которых являлся капиталистический труд. Этот труд свободной продажи человеком своих умений и способностей будет уничтожен¹ и на его место придет неотчужденная деятельность коммунистического человека. Сходные идеи эволюции труда высказывались и в позитивизме². О. Конт показывает развитие общества как прогрессивный эволюционный процесс, ведущий к господству разума позитивной науки³. На последней стадии этого движения разум занимает главенствующее положение, что в приложении к труду означает развитие научной организации труда⁴ и гармонизацию общественных отношений, основанных на разумном разделении труда.

Однако реальное развитие положения человека в труде продемонстрировало ограниченность подобных линейных прогрессистских теорий. Труд человека действительно переходит в новое состояние, однако параметры труда в данном состоянии довольно далеки от идеализированных предположений, выдвигаемых в марксизме и позитивизме. Вопреки позитивизму труд не только не утрачивает противоречивого характера, но, напротив, его противоречия предельно усложняются и усиливаются. В то же время труд никоим образом не приближается и к марксистскому идеалу коммунистического труда – несмотря на своеобразное размытие и умирание труда, которое фиксируется рядом теоретиков, на смену ему не приходит никакой благой внеэксплуатационной свободной деятельности, но, напротив, вся человеческая деятельность, включая досуговую, превращается в труд, который, потеряв свой смысл, становится силой чистого принуждения. Анализ данного состояния труда предпринимается в ряде концепций, дающих совершенно разный ответ на вопрос о том, что происходит с трудом на современном этапе общественного развития.

Теоретик постмарксизма Ю. Хабермас осмысливает современное положение человека в труде через противопоставление интеракции (коммуникативных действий и разума) и труда (инструментальных действий и разума). Труд не способен привести к освобождению человека от человека (на это способна лишь интеракция), но лишь к освобождению человека от природы. Соответственно, современный общественный этап есть этап перехода от труда к интеракции [3].

Близкую позицию занимает Х. Арентс, который проводит различие труда, работы и активности.

Контекст свободной коммуникации позволяет человеку существовать в современном мире не как «рабочее животное» (animal labourer) или «человек производящий» (homo faber), но как творческий субъект «начинающего нового» [4].

Теоретики постиндустриализма (Р. Арон, Д. Белл и др.) полагают, что в современном мире происходит становление нового общества, основанного на примате разума и знания и соответствующем переходе от господства «тяжелого» индустриального труда к распространению «легкого» труда, связанного с умственной деятельностью, сферой услуг и телекоммуникационных технологий [5].

Все данные трактовки смысла и роли труда в современном мире рассматривают существующие кризисы и противоречия в трудовом атрибуте человеческого бытия в качестве гибели прежнего, основанного на усилении труда и перехода общества в новое состояние, в котором труд становится легким, позитивным и менее проблематичным. На наш взгляд, подобная точка зрения неверна и не позволяет схватить ключевую суть происходящих изменений. Усилие⁵ является фундаментальной характеристикой труда, а современное состояние труда не в коей мере не является позитивным; даже его кажущаяся легкость оборачивается «невыносимой легкостью бытия». В связи с этим мы считаем необходимым представить собственную позицию относительно положения человека в труде в современном социокультурном контексте, основанную на идеях постмодернизма и постструктурализма.

Изначальный выход человека за рамки строгой детерминированности природного мира заложил основы фундаментального противоречия между человеческой субъективностью и природной объективностью⁶. Человек, являясь местом укоренения свободы, пытался противостоять тоталитарной необходимости природы через трудовое ее освоение⁷, формируя культуру как посредствующее звено в отношениях с реальностью⁸. Конечной целью этого было превращение природы в царство свободы и субъективности. Однако с течением времени разрешение основного противоречия между человеком и реальностью все более усложнялось постепенным отчуждением посредствующих элементов культуры, вырождением их в противостоящие и подчиняющие его структуры; человек утрачивал субъективность, становясь объективным структурным придатком, т.е. переход из актуального состояния в потенциальное.

Современная социокультурная ситуация, зачастую обозначаемая как эпоха постмодерна, характеризу-

ется завершением этого процесса, достижением предела, окончательного разрыва человека и объективной реальности, тотального отчуждения социокультурной реальности⁹. Постмодерн есть эпоха «суперимпериализма» – эпоха предельного отчуждения структур.

Подобное фундаментальное изменение социокультурной реальности сопровождается коренным переворотом в социальном и антропологическом статусе труда.

Согласно Ж. Бодрийяру, сначала на смену «донаучной» фазе развития промышленной системы, для которой характерна максимальная эксплуатация рабочей силы, приходит фаза машинного воспроизводства, преобладания основного капитала, где овеществленный труд выступает не только в форме продукта или продукта, применяемого как средство труда, но и в форме самой производительной силы; сегодня сам труд более не главенствует, на его место теперь поставлена машина, превратившаяся в главный элемент производства, управляющий живым трудом, т.е. произошло омертвление труда [6].

Омертвление труда выражается, на наш взгляд, в трех формах: 1) инфляция труда¹⁰; 2) симуляция труда¹¹; 3) обесмысливание труда¹². Это омертвление позволяет символизировать труд, сделать его знаком, внести в него и внести его в симулятивно-информационные порядки; труд более не есть труд реальный, но труд знаковый. Это позволяет наблюдать такие бессмысленные, с точки зрения эпохи неомодерн, и тем более эпохи модерн, феномены, как независимость заработной платы и самого труда от реальной экономики, подпавшей под власть знаковой экономики. Соответственно, и структурные элементы трудового процесса, такие как эквивалентности вещей или стоимости, теряют всякие основания, всякую меру, становясь эффектом произвола.

Согласно М. Фуко, труд становится дрессурой [7. С. 49], направленной на воспроизводство системы подавления и эксплуатации человека со стороны отчужденных структур¹³. При этом, как показывает Ж. Бодрийяр, сегодня главное место занимает уже не производительный труд, а труд – услуга, представляющая собой всегда производство информации и информационный обмен, т.е. по существу виртуальную, символическую, симулятивную экономику, экономику обращения знаков. Кроме того, само производство утрачивает свою первоочередную приоритетность, уступая ее потреблению [6].

Эмпирические исследования фиксируют, что труд все более размывается, с одной стороны, сливаясь с теми видами практик, которые ранее считались отличными от него¹⁴, а с другой стороны, включаясь в процесс дезинтеграции и распространения нестандартных форм труда (неполное рабочее время, разделение рабочего места и др.) [8. С. 11–24].

Ж. Батай фиксирует, что труд, производящий материальные блага, оборачивается их истреблением¹⁵. Наряду с производством в эпоху постмодерна становится необходимым антипроизводство, которое формирует нехватку, нужду, т.е. реализует «высшую цель капитализма – ввести нехватку туда, где всегда есть избыток» [9. С. 378].

По мнению З. Баумана, время труда становится фрагментированным¹⁶ и представляет собой систему неопределенных длительностей [11. С. 28]. Труд в эпоху постмодерна построен на принципе неопределенности и краткосрочности. Постоянный стабильный труд становится уделом ограниченной прослойки. Неопределенность труда служит индивидуализирующей силой, уничтожающей всякое понятие о производстве и труде как «общем деле». Об этом свидетельствуют конкретно-эмпирические данные: сопоставление статистик отношения к труду в 1960–1970-е гг. в 1990-е гг. позволяет утверждать, что трудовая деятельность становится чисто инструментальной ценностью, базирующейся на идее голей функциональности труда, а гарантированность места работы выдвигается на одно из лидирующих мест [12. С. 478].

Труд включается в игру слабых связей, его растекающаяся, подвижная, разделенная, разобщенная и дерегулированная версия уничтожает зависимость от него Капитала¹⁷. Если ранее он был постоянным и планомерным, то теперь он превратился в спонтанную низкооплачиваемую труд-услугу, бывшие рабочие-специалисты стали прислужой. В рамках эмпирических исследований западные социологи оперируют термином «флексibilität» (гибкость) для определения подобного состояния труда, при этом в этих исследованиях подчеркивается, что такая гибкость ведет не только к прямым воздействиям на психическое здоровье трудящегося, приводя его в состояние депрессии и упадка, вызванного чувством незащищенности и отсутствием стабильности, но и приводит к коррозии социальности, атомизации, необоснованной и негативной интенсификации труда [7, 13, 14]. При этом данные тенденции не являются отрывочными или единичными, но укладываются в новую модель бытия человека в труде, которую принято обозначать как постфордистскую модель. Эмпирические исследования [15. С. 244–255], проводимые в западных странах, в которых становление новой модели труда происходит наиболее интенсивно, позволяют выделить следующие черты этой модели: 1) флексбилизация; 2) разграничение (детерриторизация); 3) деформализация; 4) самоорганизация и управление контекстом (сотрудники должны стремиться к повышению своих усилий и изыскивать для этого ресурсы); 5) идеологизация (в направлении идеологии корпоративного государства фашизма); 6) индивидуализация; 7) фрагментация интересов.

А. Горц в работе «Критика экономического разума» подводит итог многолетним исследованиям проблем постмодернистского труда¹⁸. Согласно Горцу, развитие капитализма следует понимать как увеличивающийся разрыв между сферой труда и жизни. Все возрастающая рационализация и специализация приводят к тому, что отдельный трудящийся оказывается простой функцией производства, подчиненной бюрократизации, функционализации и омертвлению жизни. Человек включается в круговорот, в котором его частичное отчужденное бытие в труде стремится к восполнению в частной жизни, однако это восполнение необходимо нуждается в средствах, добыть которые можно лишь включившись в еще более интенсивное

отчуждение. Происходит «трудолизация» всего бытия человека: каждая секунда его жизни отныне должна быть трудом, более нет места ни досугу, ни игре, ни тем более созерцанию. Дойдя до предела, рациональность и отчуждение уничтожают не только человека, но и само общество, сам труд. Распадающаяся социальность и трудовое поведение держатся от окончательного крушения лишь на скелете голой функциональности, в рамках которой индивиды выступают в роли программируемых (через зрелища и развлечения) функциональных механизмов¹⁹. Чем больше человек стремится к тому, чтобы его индивидуальный труд удовлетворял его желания, тем больше он ведет всю систему труда к краху, так как ее правилом является принципиальное несоответствие желаний отдельных трудящихся общему результату их труда.

Группа «Кризис» (Р. Курц, Р. Шольц, Н. Тренкле и др.) в «Манифесте против труда» указывает, что умерший, никому не нужный труд не отошел в мир иной, но стал предметом культа, «иррациональной абстракцией» и как таковой главной тоталитарной силой. Чтобы поддерживать культ умершего труда, государственная система подавления в союзе с капиталом тратит все средства для поддержания бессмысленной иллюзии труда и идеологического оправдания через тезис «кто не работает, тот не ест». Досуг, любые нетрудовые формы существования уничтожены; теперь всякое время подчинено трудовой логике и трудовому измерению, а досуг есть не более чем время внутри труда, необходимое для возобновления сил. Человек перестает существовать и на его месте разветвляется чистая функциональность производства²⁰, лишенная смысла, мышления, заботы о бытии.

Анализ современного труда позволяет нам зафиксировать, что труд сегодня есть чистая затрата рабочей силы независимо от конкретного содержания, осуществляющаяся как самоцель. Труд есть несамостоятельная, механизированная деятельность, вырванная из социального контекста и подчиненная рациональности по той стороне реальных потребностей. Труд есть нечто абсолютно оторванное от жизни, то место, в котором время перестает быть живым и становится просто сырьем. В труде имеет значение не то что делается, а сам факт делания, поскольку именно он несет функцию возрастания ценности капитала ради самого возрастания. Накопление мертвого труда в качестве капитала есть единственный смысл всего социального строения. Умерший труд в своем пережитии²¹ подчиняется логике восполнения и постоянного отрицания в утверждении наличия²². В основании его лежат симуляторная реальность и смерть.

Труд становится трудом иллюзии – трудом по производству иллюзорного существования. Логика иллюзии – однонаправленная тоталитарность, ярким пример которой является телевидение – не человек смотрит его, но оно «говорит» ему; между телевидением и человеком нет диалога, есть лишь монолог, с которым невозможно спорить. Но человек и не желает спорить, он желает добывать информацию, которая становится продуктом его труда иллюзии. В этом труде создается капсула иллюзии, в которой человек

пребывает в непреодолимом одиночестве собственной иллюзии, но это одиночество совмещено с одиночеством всех внутри масс. Иллюзия становится всеобщим опосредователем, лишая человека непосредственности в любом отношении.

Бытие человека в труде, окончательная трансформация человека в трудового человека, т.е. человека тотально определенного и детерминированного трудом, проявляется также и в развитии практик себя. М. Яцино характеризует эти практики как профессионализацию субъективности [19. С. 227]. Мы можем выделить следующие составляющие данного процесса:

1. Самоконтроль и самодисциплина (навязывание необходимости следить за собой, чтобы соответствовать стандартам моды, использование психоаналитических процедур для объяснения себя себе). Реализация самоконтроля осуществляется по трем направлениям: познание себя, управление собой, забота о себе.

2. Регуляция повседневности как основной механизм подавления и контроля.

3. Индивидуализация, разрыв с другими, не допускающая, однако, никакого проявления подлинной самобытности. Такая индивидуализация есть, прежде всего, статусная индивидуализация, проявляющаяся в стремлении жить напоказ в перспективе оценивания массами. Причем данная индивидуализация осуществляется через внешнюю тоталитарную групповую интеграцию.

4. Тотальная профессионализация (корпоративные тренинги, работа на статусный и коммерческий результат как единственная возможность достичь чего-то и проявить себя, требования обязательной самореализации, прагматический мистицизм [19. С. 246] и др.).

5. Уничтожение критичности мышления (навязывание внешнего позитивного отношения к работе, необоснованного самодовольного оптимизма, сохранения дистанции по отношению к работе, эстетизация и экстравагантность, нарциссизм, восприятие вместо разума и пр.).

6. Уничтожение широты мышления (следует мыслить лишь в направлении поставленных целей, никогда не обращать внимания на недостойные области мышления (политика, социальный строй в целом и пр.), не мыслить глубоко и проблемно, не искать иных путей, не пытаться понять причины и основания, а также конечные следствия).

7. Культ внешнего общения.

8. Труд смерти (омертвление) и имитация жизни исходящие из смерти человека и смерти труда²³.

В конечном счете, практика себя есть труд над собой извне, т.е. структурация себя.

Одновременно изменяется и социальная составляющая труда – на место коллективов приходят освобожденные сингулярности, образующие «сложный ансамбль постоянно пребывающих в становлении «диких», не прирученных механизмами легитимной репрезентации производительных сил» [20. С. 43].

Таким образом, исследование социального и антропологического аспектов положения человека в труде показывает наличие ряда фундаментальных сдвигов в этом положении, свидетельствующих о переходе человека и его труда в новое состояние

размытости и иллюзорности. При этом труд становится фронтальным антропологическим феноменом, поскольку именно в нем сосредоточиваются ключе-

вые противоречия между онтологическими основаниями человеческого существования и их радикальным смещением в условиях эпохи постмодерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [1. С. 192].

² Позитивизм и марксизм, радикально расходясь в том, каким образом должен быть достигнут прогресс человечества (марксизм – революция; позитивизм – укрепление порядка), тем не менее, во многом сходились в том, что касается достижения на конечной максимально развитой стадии технического развития человечества некоего гармоничного идеального труда.

³ Общемировое историческое движение по неименному пути интеллектуального прогресса от теологической стадий к метафизической, а затем и высшей позитивной называется Контом «законом трех стадий» и объявляется главным законом социальной динамики. (О полной несостоятельности данного «закона» см., например, [2. С. 152–171].)

⁴ Согласно Конту, именно через применение науки в труде человечество колоссально раскрывает свои ресурсы (происходят концентрация и организация рабочих масс, непрерывно растет богатство, конфликт же между пролетариатом и капиталом Конт просто объявляет несущественным отклонением, которое будет вскоре изжито), при этом судьба конкретного человека Конта волнует крайне мало. В конечном счете здесь, как и всегда у Конта, абстрактный дух (наука) одерживает вверх над материальностью (материальное существование человека).

⁵ При этом «усилие» следует понимать как у-силу, т.е. пребывание человека у порога трудовой силы, способной к радикальной трансформации реальности.

⁶ При этом человеческая субъективность изначально представляет собой аструктурную естественно-историческую общность, или «массу».

⁷ Человек, таким образом, занимает специфическое онтологическое положение: он через труд оформляет объективную реальность, вносит в нее смысл, производя тем самым реальность культурную; отсюда человек изначально является человеком трудящимся – homo labor. При этом в силу подобного понимания становится ясно, что помимо человека нет и не может быть труда, следовательно, бессмысленно говорить просто о «труде», так как его не существует, есть лишь человек, который всегда является человеком трудящимся, но не homo faber (так или иначе умелым и производящим является практически любое живое существо), homo creator (человек ничего не творит из ничего, но лишь оформляет реальность) или homo ludens (игрой заняты многие животные, она неспецифична для человека, при этом сама игра человека может быть понята как производство человеком самого себя). Человек трудящийся о-формляет и о-смысляет реальность.

⁸ Под культурой мы понимаем тотальность четырех элементов: материального, идеального, социального (сюда включается все поле отношения человека с Другим, в том числе с самим собой как с Другим) и исторического (сюда включается все поле отношений с человеческим временем, развитием). Данные элементы имеют крайне сложную природу: они, с одной стороны, являются сторонами собственной природы человека, а с другой – моментами размечания им объективной реальности, т.е. являются субъект-объектными. В момент выхода человека из природной неразличенности рождаются одновременно и указанные элементы, причем именно во взаимодействии с ними отныне и проходит вся жизнь человека, именно через них ему дана объективная реальность. При этом человек не создает культуру, она рождается объективно в ходе культивирования человеком себя, в этом смысле скорее культура рождает человека; культура, в конечном счете, есть сам человек.

⁹ Неверно говорить о современной ситуации как ситуации кризиса или тупика, это именно предел, край пропасти.

¹⁰ Сегодня труд есть чистая затрата рабочей силы. Труд ради труда – вот лозунг этой инфляционной тавтологической модели, в которой труд становится бессмысленной самоцелью.

¹¹ Из-за господства омертвленного труда над живым рушится вся диалектика производства... В производстве и экономике все начинает поддаваться взаимной подстановке, обращению, обмену в ходе той же бесконечной игры отражений... Бесконечно отражаются друг в друге производительные силы и производственные отношения, капитал и труд, потребительная и меновая стоимость: это и значит, что производство растворяется в коде [6. С. 66]. Такой труд есть «фундаментальная репрессия и контроль» [Там же. С. 63], проникающие всюду, охватывающие все элементы человеческой жизни.

¹² Главным обесмысливающим фактором всегда была смерть, лишаящая труд человека реальной онтологической ценности. Сегодня, когда смерть стала самой жизнью, бессмысленность становится тотальной.

¹³ Фуко называет три основных функции труда: производство, символизацию и дрессуру (обучение индивидов покорности, послушанию, дисциплине и самоконтролю).

¹⁴ Например о слиянии политики и труда писала еще Х. Арендт (см.: [4]).

¹⁵ «Лишь конкретное живое существо или ограниченные совокупности живых существ сталкиваются с проблемой нужды. Но человек – это не только отдельное существо, оспаривающее свою часть ресурсов у живого мира и других людей. Человека одушевляет общее движение истечения (расточения) живой материи, и он не в силах остановить его; даже – на самой вершине – его суверенность в мире живого отожествляет его с этим движением; она исключительным образом обрекает его на славное дело, на бесполезное потребление» [9. С. 19].

¹⁶ О тирании фрагментарного момента и медленном времени см. также [10].

¹⁷ Это та самая зависимость, о которой говорил Гегель в своей диалектике раба и господина.

¹⁸ Рассмотрение теории А. Горца ведется по материалам статьи [16].

¹⁹ Наивной формой борьбы с этим является детскость (в том числе и в форме игризации (см., например, [17. С. 207–276])). Но усмотрение игризации как феномена дает лишь поверхностный взгляд только тогда, когда будет понята основа этой игризации, только тогда станет ясно, что эта характерная для постмодерна игра не есть легковесная игра-просто-так, но игра-в-серьез. При этом следует понимать два важных момента: во-первых, детство как проявление чего-то неполноценного, идеализированного, искусственно наделенного мягкостью есть ложная категория; истинная детскость серьезна, проблематична и глубока; во-вторых, игра может быть элементом подавления человека в попытке маскировки негативного труда под названием всего лишь игры, в которой фрагментарный человек играет одну из своих жизненных ролей.

²⁰ Ей соответствует чистая и всеобъемлющая функциональность потребления, которую подробно рассматривает Ж. Бодрийяр [18]. Однако Бодрийяр, усматривая основания этого культового состояния потребления в желании иллюзорных социальных различий, мнимого счастья обеспеченности и безопасности, продиктованных структурной идеологией, не видит самого корня этого состояния. Этот корень заключается в структурной эксплуатации желания как антропо-онтологического основания труда.

²¹ Пережитие является наиболее чудовищной формой существования: жизнь есть всегда соединение бытия и небытия («бытие-к-смерти», «влечение к смерти»), в то время как пережитие есть отсрочивание смерти ценой перманентного омертвления; уничтожение конца через существование в условиях сошедшего с ума времени, свертывающего в петли и выставляющего в качестве перспективы отработанные копии-симулякры прошедшего или еще не наступившего.

²² Труд всегда содержал момент небытия создания, закладку в основание всего производимого смерти, но сегодня это стало его главной и единственной задачей.

²³ При этом смерть труда имеет подлинно фундаментальные последствия, ибо труд есть то, через что человек существует и осуществляет себя в мире. Смерть же человека означает не просто его родовую гибель, но и смерть всего его окружения, всех его связей, т.е. мира в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 3.
2. Соловьев В. Теория О. Конта о трех фазах в умственном развитии человечества // Соч. 2-е изд. Т. 1.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.: Практика, 2007.
4. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: пер. с англ. М.: Академия, 1999.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
7. Jenkins A. Flexibility, individualization and employment insecurity in France // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1998. № 7. P. 22–38.
8. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда (футурологические дискуссии) // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 11–24.
9. Батай Ж. Проклятая доля: пер. с фр. М.: Гнозис, 2003.
10. Eriksen T.H. Tyranny of the moment: fast and slow time in the information age. L.: Pluto Press, 2001.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. М.: Логос, 2002.
12. Темницкий А.П., Бессокирная Г.П. Сопоставление статистик отношения к труду советских рабочих в 60–70-е годы и российских в 90-е (по данным пяти исследований) // Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.
13. Wichert I. Job insecurity and work intensification: The Effects on health and well-being // Job Insecurity and the Work Intensification. L.: Routledge, 2002. P. 92–111.
14. Клемент К.М. Флексибельность по-русски – сгибаемые и негибкие работники // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 1–13.
15. Нейнхоффер Г. Современные «постфордистские» новации в западноевропейском менеджменте // Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М.: УКСФ, 2004. С. 244–255.
16. Дамье В.В. Социальная философия Андре Горца // Наперекор. 1999/2000. № 10. С. 18–23.
17. Кравченко С.А. Игровая природа общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. М.: Октопус – Природа, 2008. Вып. 11. С. 270–276.
18. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. Самарская. М.: Республика, 2006.
19. Яццо М. Культура индивидуализма. М.: Гуманитарный Центр, 2012.
20. Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // Синий диван. 2004. № 5.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 ноября 2014 г.

HUMAN IN LABOR. SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 64–69. DOI 10.17223/15617793/391/10

Bredikhin Sergei S. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sergei189@mail.ru

Keywords: human; labor; socio-cultural situation; postmodern; death of labor.

The article is an attempt to research the present situation of human labor in social and anthropological aspects. The author demonstrates that the human position in labor is undergoing fundamental changes associated with the transition of the socio-cultural reality in the postmodern condition. During the research, the author formulated a number of important conclusions and generalizations. In the first part of the article the prospects of development of labor in terms of the classical conceptions of Marxism and positivism are discussed and conclusions are made that the predictions offered by these conceptions have not been realized. Further, possible explanations for the changes occurring in labor from the point of view of a number of modern conceptions are given. It is concluded that a number of considered conceptions have insufficient explanatory power, and it is offered to explore the question of the fundamental changes in the anthropological and social components of labor through the author's approach based on post-modern and post-structuralist conceptions. In the second part of the article, the basic transformations of labor in the socio-cultural context of the postmodern era are studied. Attention is fixed on the process of immobilization of labor, which is expressed in three forms: simulation, inflation and loss of meaning. Next, the questions of blurred specificity of labor through its association with other types of practices and dissemination of non-standard forms of labor are discussed. The question of the transformation of temporal parameters of labor is considered. Time of labor becomes fragmented. Labor today is a system of indefinite duration. Labor in the postmodern era is built on the principle of uncertainty and short-term basis. Permanent stable labor becomes the destiny of a bounded layer. In the third part of the article, basing on the analysis of empirical material of the human condition in labor, generalization of the main parameters of the new model of labor typical of the postmodern era is made. Seven parameters of this model are identified, such as flexibilization, individualization, deformatization, self-organization, and others. Further, the issues of dual displacements in labor nature are stated: on the one hand, there is "laborization" of the human being and the nature of labor becomes a self-sufficient totalitarian force against the human, on the other hand, the nature of labor becomes simulating and illusionary. In the last part of the article, the changes in human existence, which are caused by changes in the nature, social and anthropological status of labor, are captured. Eight components of the process of "laborization" of human existence are identified, including individualization, self-control, the regulation of everyday life, and others. At the end of the article, it is stated that labor is now acquiring negative and contradictory features; at the same time it takes the position of a frontal anthropological phenomenon accumulating transgressive trends of the postmodern era.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1959. Vol. 3.
2. Solov'ev V. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1988. Vol. 2, pp. 122–138.
3. Habermas J. *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Engineering and Science as "ideology"]. Translated from German by M.L. Khor'kov. Moscow: Praxis Publ., 2007. 208 p.
4. Arendt H. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa, or about active life]. Translated from German and English by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2000. 437 p.
5. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming post-industrial society]. Translated from English. Moscow: Akademiya Publ., 1999. 782 p.
6. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 387 p.

7. Jenkins A. Flexibility, individualization and employment insecurity in France. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1998, no. 7, pp. 22–38.
8. Shevchuk A.V. About Future of Work and Future Without Work (Futurology Discussions). *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2005, vol. 6, no. 3, pp. 11–24.
9. Bataille J. *Proklyataya dolya* [Accursed share]. Translated from French. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 208 p.
10. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos Publ., 2002. 390 p.
11. Eriksen T.H. *Tyranny of the moment: fast and slow time in the information age*. London: Pluto Press, 2001. 192 p.
12. Temnitskiy A.P., Bessokirnaya G.P. *Sopostavlenie statistik otnosheniya k trudu sovetskikh rabochikh v 60–70-e gody i rossiyskikh v 90-e (po dannym pyati issledovaniy)* [Comparison of statistics of attitude to labor of the Soviet workers in '60-'70s and Russian workers in '90s (according to five studies)]. In: Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and their work in the USSR and later]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2003.
13. Wichert I. *Job insecurity and work intensification: The Effects on health and well-being*. In: *Job Insecurity and the Work Intensification*. London: Routledge, 2002, pp. 92–111.
14. Klement K.M. *Fleksibel'nost' po-russki – sgibaemye i nesgibaemye rabotniki* [Flexibility in Russian: flexible and unflexible employees]. *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 4, pp. 1–13.
15. Naynhoffer G. *Sovremennye "postfordistskie" novatsii v zapadnoevropeyskom menedzhmente* [Modern "post-Fordist" innovations in Western European management]. In: *Stanovlenie trudovykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii (Sotsiologicheskii analiz pyati sluchaev rossiyskogo menedzhmenta v sravnenii s praktikoy Kanady i Germanii)* [Formation of labor relations in post-Soviet Russia (sociological analysis of five cases of Russian management in comparison with practice in Canada and Germany)]. Moscow: UKGF, 2004, pp. 244–255.
16. Dam'e V.V. *Sotsial'naya filosofiya Andre Gortsa* [Social Philosophy of André Gorz]. *Naperekor*, 1999/2000, no. 10, pp. 18–23.
17. Kravchenko S.A. *Igraizatsiya obshchestva: blaga i problemy* [Gamification of society: benefits and problems]. In: *Sbornik nauchno-populyarnykh statey – pobediteley konkursa RFFI 2007 goda* [Collection of popular science articles – winners of RFBR, 2007]. Moscow: Oktopus – Priroda Publ., 2008, issue 11, pp. 270–276.
18. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French by E. Samarskaya. Moscow: Respublika Publ., 2006. 269 p.
19. Yatsino M. *Kul'tura individualizma* [Culture of individualism]. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2012. 280 p.
20. Penzin A. "Revolutsionnoe chudovishche": ponyatie mnozhestva v filosofii Antonio Negri [The revolutionary monster": the notion of plurality in the philosophy of Antonio Negri]. *Siniy divan*, 2004, no. 5.

Received: 10 November 2014